

ЗА РОДИНУ!

ЗА ПОБЕДУ!

ГЕННАДИЙ

ЗЮГАНОВ

КОММУНИСТЫ 21

Геннадий Андреевич Зюганов

Коммунисты – 21

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5014058
Коммунисты – 21: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0226-8

Аннотация

Геннадий Андреевич Зюганов – председатель Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации – известен еще и как автор более двадцати книг, посвященных политическому, экономическому и социальному положению современной России. В своей новой книге Г.А. Зюганов рассказывает, что представляет собой «вертикаль власти» нынешнего президента России, в каком состоянии находится сейчас хозяйство нашей страны, ее вооруженные силы, как в реальности живет русский народ, что происходит с российской культурой и традиционными российскими ценностями. Уникальность книги – в подборе и осмыслении исторического материала, убедительности аргументов и фактов, точных формулировках исторического советского прошлого и современных реалий российской действительности. Это основательный труд, где автор открыто и убедительно полемизирует с оппонентами, разоблачает антигосударственную политику правящего режима и доводит до граждан

Российской Федерации программу и направления деятельности возглавляемой им КПРФ.

Содержание

Советский Союз – высшая форма российской государственности	6
Предпосылки возникновения СССР	6
Роль Сталина в формировании советской цивилизации	12
План по разрушению СССР. Уроки гибели Союза	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Геннадий Андреевич Зюганов Коммунисты – 21

© Зюганов Г.А., 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Советский Союз – высшая форма российской государственности

Предпосылки возникновения СССР

Современные контуры политического устройства Европы появились после Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Она кардинальным образом изменила геополитическую картину мира: в результате войны рухнул целый ряд важнейших центров силы, составлявших ранее каркас всей мировой политической системы. Германская, Австро-Венгерская, Турецкая и Российская империи просто перестали существовать, а на их развалинах возникло большое количество мелких псевдонациональных государств, которые, по мысли новых хозяев Европы, и должны были стать кирпичиками в здании очередного баланса сил. Архитекторы этой системы полагали, что именно таким образом осколки прежних империй легче всего попадут в сферы влияния стран-победительниц.

Неудачи России в Первой мировой войне, а затем и падение империи в решающей степени были предопределены кризисом царизма и вырождением династии Романовых, достигшими апогея в период правления Николая II. Тысячи

людей, затоптаных на Ходыньском поле в день его коронации. Позорный проигрыш Русско-японской войны, в результате которого наша страна впервые в своей истории отдала победителю часть собственной территории – Южный Сахалин. Взрыв общенародного негодования в связи с этим, революция и зверское подавление народного протеста, включая карательную бойню в Москве. Бездумное разрушение станового хребта русского общества – крестьянской общины – в ходе столыпинских реформ, слепо копировавших прусский «эталон». Позор распутищины, вскрывшей всю гнилость царской фамилии. Вступление России в чуждую ей и абсолютно преступную Первую мировую войну, к которой она к тому же была не готова. Бесконечная кадровая чехарда в армии и правительстве, организованная Николаем II.

Именно это, а никак не деятельность большевиков, предельно расшатало основы империи и привело к поражениям в ходе мировой войны. Да, большевики были убежденными противниками монархии и никогда этого не скрывали. Однако после революции 1905–1907 годов они находились в глубоком подполье. Решающий удар по империи нанесли те, кто, наоборот, всенародно клялся в верности правящему Дому Романовых, готовя вместе с тем подлый удар ему «в спину».

Ведь это не Ленин со Сталиным, а представители буржуазно-помещичьих кругов – «октябрист» Гучков и монархист Шульгин – явились к царю с требованием о его отречении,

ссылаясь на волю Государственной думы. Напомню, в ней не было тогда ни одного большевика – вся фракция РСДРП(б) на тот момент была арестована и отправлена в ссылку.

И это не Буденный с Ворошиловым, а высшие царские генералы Алексеев и Рузский, заручившись поддержкой большинства командующих фронтами, шантажировали государя слабо завуалированными угрозами неповиновения армии в случае, если тот откажется отречься. Причем заодно с ними были и представители самой династии Романовых, вроде бывшего главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, также ратовавшего за отречение.

И отнюдь не большевики, а эсеры и деятели буржуазных партий задерживали составы с продовольствием, идущие в Петроград и Москву, желая спровоцировать голодные бунты. Прежде всего их же усилиями расшатывалась армия. Так, обнародовав приказ № 1 Петроградского Совета, подчинявший армию Советам рабочих и солдатских депутатов, они не позаботились о мерах по поддержанию дисциплины и воинского духа. Пустили все на самотек, что и привело к быстрому распаду вооруженных сил страны. Напомню, что в тогдашнем Петросовете господствовали эсеры и меньшевики.

А поведение Николая II? Он отрекается от власти и, не принимая положенного православному царю в такой ситуации монашества, просто-напросто уходит в частную жизнь. Страна истекает кровью в войне, бьется в жесточайшем кризисе, а он приятно прогуливается и пьет чай в семейном кру-

гу. Последствия были неизбежны: с отречением государя вся армия оказалась свободной от ранее принесенной присяги. Крепы, соединявшие воедино страну, распались. Всяк стал сам за себя. Никаких обязательств перед страной и обществом для властей предрежащих и многих людей просто не стало. Наступил хаос.

И еще об одном приходится напомнить: это ведь не большевики, а Временное правительство – единомышленники наших нынешних либералов, – арестовав не только царя, но и всю его семью с малыми детьми и слугами, загнало их в Сибирь, в далекий Тобольск, оставив буквально на волю случая.

* * *

Действия Временного правительства были губительными для российского государства. Несмотря на протесты большевиков, оно выводит русские войска из Финляндии, опасаясь их революционного настроения, что неизбежно создает вакуум власти в этом регионе. В результате, подавив финскую Красную гвардию, к власти прорываются буржуазно-националистические силы, опиравшиеся на немецкие штыки войск генерала Фон дер Гольца. Временное правительство, по сути дела, дало добро на отделение Польши. Так что большевикам после взятия власти уже не оставалось ничего другого, кроме как признать суверенитет этих земель.

Мало того, при бездействии Временного правительства и на территории самой России начали возникать всевозможные «удельные княжества».

Скажем, незадолго до Октябрьской революции во Владикавказе был подписан договор об образовании нового «федеративного» государства в составе территории казачьих войск Донского, Кубанского и Астраханского краев, горцев Северного Кавказа и неких «вольных народов» юго-востока России. А в сентябре 1917 года возник независимый от России «Союз горцев Кавказа», претендовавший на земли «от моря и до моря» – от Черного до Каспийского. Причем такие случаи множились каждый день.

Эту же политику дробления и растаскивания России на куски продолжали белогвардейские лидеры, большинство которых, как известно, вовсе не были сторонниками монархии. Белогвардейская контрразведка подчас преследовала монархистов почти так же яростно, как и большевиков. Всерьез белые генералы относились только к собственным шансам на всероссийскую либо более скромную – региональную – власть. Несмотря на лозунг «единой и неделимой» России, они легко вступали в политические альянсы со странами Антанты, закрывая глаза на то, что помощь Запада придется оплачивать установлением колониальных режимов в обширных регионах нашей страны.

Не случайно Гражданская война быстро приобрела характер войны национально-освободительной, что и предопреде-

лило победу большевиков. Победив, они буквально в считанные годы заново собрали воедино подавляющую часть государства Российского, обеспечили ему такое экономическое, социальное и культурное единство, какого наша страна никогда не знала прежде. Даже враги Советов были вынуждены отдавать должное «Красной империи».

Многовековая державная инерция смогла преодолеть болезнетворную энергию распада. Вопреки всему – идеологической русофобии радикального партийного крыла, соблазнам «мировой революции» и классовым антагонизмам, разбушевавшимся в огне Гражданской войны, – страна невероятно быстро восстановила свою естественную геополитическую форму.

Неожиданно для творцов мирового порядка Россия вышла из тяжелой кровопролитной Гражданской войны единой и политически обновленной – совсем не такой, какой хотели бы видеть ее недруги.

Роль Сталина в формировании советской цивилизации

Не вдаваясь в оценки личности Сталина, надо признать, что он как никто другой понимал необходимость мировоззренческого обновления в рамках геополитической формы СССР.

Есть все основания утверждать, что личность Сталина сродни самым грандиозным фигурам эпохи Возрождения, которая так же, как и ушедший век, знаменовала собою переход человечества на новый виток исторического развития. Воздействие Сталина на ход исторических процессов столь велико, что его личность просто не могла не быть подвергнута мифологизации как при жизни, так и после смерти. При этом и в отечественной, и в мировой истории оценка сталинской эпохи была надолго отдана на откуп демагогам и конъюнктурщикам. Пристрастные «оценщики» великого и непростого времени ни на что другое, кроме «тридцать седьмого года», не обращали внимания. И это их выдает с головой. Ведь именно 37-й год – при всей своей трагической противоречивости смел с политической сцены в первую голову тех, кто, по словам Ленина, «примазался» к великой народной революции. Тех, кто «рассказывал» и «раскулачивал», утверждал «пролетарскую культуру», сбрасывая Пушкина «с корабля современности». Тех, кто рушил храмы и

уничтожал честных беспартийных «спецов». Тех, кто грезил о «мировом пожаре», в котором России отводилась роль заурядной «охапки хвороста».

Эти «товарищи» и их потомки так и не простили Сталину его программной статьи «Головокружение от успехов», положившей конец «коллективизаторскому» произволу в деревне. Не простили возобновления преподавания в средней и высшей школе русской истории. Не простили запрещения спектакля Камерного театра «Богатыри» по пьесе Демьяна Бедного за глумление над Крещением Руси. Враги и ненавистники России не забыли ему тоста за здоровье русского народа в ознаменование победы в Великой Отечественной войне. Не забыли и многое другое...

Вопреки им, знаменитый русский писатель Михаил Булгаков очень высоко оценил поворот Сталина к восстановлению в нашей стране общеисторических, общенациональных, общегосударственных ценностей. Линию на удержание и продолжение преемственности российской истории. Оценил и автора этого исторического поворота в своей замалчиваемой ныне пьесе «Батум».

* * *

В памяти народа Сталин остался прежде всего волевым, твердым и решительным политиком-государственным. Лидером нации. Архитектором и строителем огромной,

могущей державы. Сегодня, в условиях геополитической катастрофы, после развала Советского Союза и хаотического распада общественного единства нам особенно важно правильно понять и верно оценить опыт державного строительства сталинской эпохи. Ведь именно тогда наш народ победил в великой и страшной войне. Обеспечил себе невиданный ранее уровень национальной безопасности. Превратил свою страну в сверхдержаву, влияние которой простерлось до самых отдаленных уголков планеты.

За годы первой пятилетки, например, был удвоен промышленный потенциал СССР. Причем на первое место вышла тяжелая индустрия. В орбиту производственного прогресса втянулись бывшие окраины. Выросло множество новых городов и промышленных поселков. Преображались старые центры. Уже к концу тридцатых годов в стране вступили в строй 6 тысяч предприятий. В 1937 году новые производства дали свыше 80 процентов всей промышленной продукции. В начале третьей пятилетки даже тяжелая промышленность стала рентабельной.

В результате индустриализации коренным образом стала меняться культура труда миллионов людей. В середине первой пятилетки было покончено с безработицей. К началу сороковых годов уровень грамотности народа составил свыше 80 процентов. Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса и крестьянства, прошли через вузы и техникумы. Рождалась новая интеллигенция.

Несмотря на тяжелые изломы коллективизации, возродилось и вставало на ноги российское крестьянство. Только за годы второй пятилетки колхозы получили более 500 тысяч тракторов, около 124 тысяч комбайнов, свыше 140 тысяч грузовых автомобилей. За считанные годы профессию механизатора получили около 5 миллионов крестьян. У людей на селе появилось свободное время. А значит, возможность учиться, повышать свой культурный уровень, заниматься общественными делами.

В середине тридцатых годов рост заработной платы стал обычным делом. В прошлое ушла карточная система. Потребность людей в продуктах питания удовлетворялась все полнее и полнее. Каждому стали доступны достижения культуры. Создавались тысячи библиотек, строились новые театры, открывались музеи.

Конституция СССР, вошедшая в историю как сталинская Конституция, подводя итог этому созидательному процессу, впервые в истории провозгласила целый букет новых социалистических прав: на труд, на отдых, на получение высшего образования, на материальное обеспечение в старости. Никогда и нигде в мире ни один документ подобных прав не провозглашал.

Все эти вехи общественного развития советской поры выглядят в наши дни удивительно впечатляюще. События прошлого служат сейчас яркими приметам и маяками будущего – того будущего, за которое боремся мы, российские ком-

мунисты.

Конечно, Сталину, как и любому историческому деятелю, нельзя подражать. Сталин и его время неповторимы. Опасно и вредно пытаться просто копировать те или иные его действия. Бессмысленно механически применять сталинские подходы к реалиям современной жизни. Слишком много времени утекло, мир стал другим.

Для нас, марксистов, использовать наследие Сталина сегодня означает не слепо следовать букве его работ и порядку действий, а понять и использовать ту методологию, с которой он сам подходил к вопросу об опыте предшественников. Брать лучшее из его опыта означает быть беззаветным патриотом, причем патриотом-практиком, защитником народных традиций.

* * *

Политический реализм и историческая преемственность – вот два фундаментальных принципа, положенных Сталиным в основание его государственно-политической концепции. Оба они чрезвычайно актуальны и сегодня. Ибо геополитические и идеологические задачи, стоящие ныне перед Россией, при всем их своеобразии весьма сходны с теми, которые пришлось решать СССР в сталинские времена.

Сталин прекрасно понимал чрезвычайно важную и извечно актуальную для нашей страны истину: Россия, в силу

целого ряда объективных, исторических и геополитических причин, всегда была объектом агрессивных вожделий различных претендентов на мировое господство. Она должна быть постоянно готова к отражению внешней агрессии. Поэтому многовековая российская традиция сильной государственной власти на деле является не чем иным, как единственно возможным и эффективным ответом на постоянную угрозу извне.

Решая проблему безопасности Советского Союза, Сталину пришлось делать нелегкий выбор: либо в одиночку дожидаться часа, когда окрепшая и обнаглевшая от попустительства крупнейших государств мира гитлеровская Германия бросит против СССР всю экономическую и военную мощь поработенной Европы, либо вести сложную игру на межимпериалистических противоречиях.

На мюнхенский сговор «демократических» держав с Гитлером и Муссолини Советский Союз был вынужден ответить подписанием советско-германского договора о ненападении. Это позволило отодвинуть границы страны на запад, отсрочить начало гитлеровской агрессии, взять под защиту славянских братьев, проживающих на территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Руководство страны сумело разорвать единый фронт империалистических держав, направленный своим острием против Советского государства, а затем и добиться образования антигитлеровской коалиции, что явилось крупнейшим

достижением ленинско-сталинской дипломатической школы.

Все это – общеизвестные факты, хотя их и стараются извратить ненавистники Советского Союза и социализма. Однако не меньшую роль, чем создание современной индустрии и мощных вооруженных сил, чем искусная дипломатическая стратегия, в подготовке к отражению империалистической агрессии сыграло очищение революционной теории и общества от троцкизма с его нарочитым отрицанием общенародных, патриотических идеалов. По словам писателя Александра Бека, Сталин, как никто другой, понимал, что большевики не имеют права смотреть на Россию как на страну без истории. Именно по его указанию была предпринята глубокая перестройка всей системы общественных наук. Возобновлено преподавание отечественной истории в средней и высшей школе.

Ярким подтверждением державного сталинского мышления являются и записанные в 1937 году Георгием Димитровым в своем дневнике высказывания Сталина на приеме по случаю 20-летия Октябрьской революции.

«Русские цари, – сказал Сталин, – сделали хорошее дело – сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое государство не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это го-

сударство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу».

Вся точность этой сталинской оценки ярко проявилась в нынешнее смутное время, когда развал Советского Союза привел к тому, что практически все бывшие союзные республики попали в иноземную кабалу к «развитым» странам Запада.

* * *

Свою конечную задачу – построение мощной державы – Сталин всегда соизмерял с требованиями текущего момента, с конкретной политической обстановкой в партии и в стране. Так, например, он прекрасно понимал, что государство не может быть сильным, если оно внутренне нестабильно, если нет прочной взаимосвязи между центром и регионами. Поэтому Сталин вполне закономерно был убежденным и последовательным централистом. Причем очень реалистичным централистом. В разное время он готов был согласиться с разными политическими формами, разными механизмами и схемами воплощения в жизнь данного государственного принципа.

Еще в ходе революции он выступил как сторонник жест-

кой унитарной системы государственного управления. Так, 28 марта 1917 года «Правда» опубликовала его статью «Против федерализма». В условиях распада Российской империи, растущего сепаратизма окраин, неспособности и нежелания Временного правительства противостоять этим губительным тенденциям Сталин считал невозможным и губительным любое ослабление центральной власти.

Он писал, что пример США, Канады, Швейцарии, на который любят ссылаться сторонники федерализма, говорит о том, что «развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству, что тенденция развития идет не в пользу федерации, а против нее... Но из этого следует, – делал он вывод, – что неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение».

Примечательно, но аргументация Сталина против «растаскивания» России новыми «удельными князьями» была весьма похожа на аргументацию его идейного оппонента, одного из столпов русского консерватизма Ивана Ильина. В этом, однако, нет никакого противоречия, ибо и тот, и другой были патриотами, любили Россию, прекрасно знали ее историю.

Однако центробежные тенденции оказались слишком сильными. Борьба с ними «в лоб» означало бы сделать серьезную политическую ошибку. Они раскололи бы саму партию. И тогда, в апреле 1918 года, в беседе с сотрудником

газеты «Правда» Сталин смягчил свою позицию, признав за федерализмом право на существование. «Федерализму в России, – сказал он, – суждено, как и в Америке и Швейцарии, сыграть свою переходную роль – к будущему социалистическому унитаризму».

Позднее, в декабре 1924 года, говоря о причинах изменения своих взглядов, он объяснил эту свою позицию. Во-первых, «ко времени Октябрьского переворота целый ряд национальностей России оказался на деле в состоянии полного отделения и полной оторванности друг от друга, ввиду чего федерация оказалась шагом вперед от разрозненности трудящихся масс к их сближению, к их объединению». Во-вторых, «формы советской федерации оказались вовсе не противоречащими целям экономического сближения трудящихся масс национальностей России». Наконец, в-третьих, «удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, а путь объединения наций – гораздо более сложным, чем это могло казаться раньше».

Сегодня, оглянувшись вокруг, легко увидеть, что – с поправкой на современные условия – нынешняя ситуация в этой области разительно напоминает послереволюционную. Налицо и полное отделение прежних союзных республик, и разобщение их братских народов, и резкий всплеск национального движения, и первоочередная важность экономического сближения новых независимых государств. В чуть более мягкой форме все эти проблемы существуют и внутри

Российской Федерации.

А потому, говоря о необходимости государственной централизации, мы не должны игнорировать прежний опыт, не должны закрывать глаза на реальную политическую обстановку в стране и в мире. Вопрос следует рассматривать более полно и объемно, ясно различая все трудности и преграды на нашем пути. По сути дела, сейчас, как и тогда, задача состоит в том, чтобы создать в России устойчивую конфигурацию государственной власти, которая сочетала бы в себе наиболее конструктивные качества централизма и федерализма.

* * *

Сталин с самого начала прекрасно понимал и всю важность «национального вопроса». Этими проблемами он начал интересоваться еще в молодости. В отличие от многих своих соратников, он очень серьезно относился к национальным аспектам политической борьбы и прекрасно понимал, какие силы и энергия таятся в национальном самосознании народов.

Уже в 1904 году в статье «Как понимает социал-демократия национальный вопрос» Сталин резко выступил против националистических поползновений грузинских, армянских и еврейских социалистов. А через девять лет, в 1913 году, сформулировал классическое определение нации, которое не утратило своего значения до сих пор: нация есть «исто-

рически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Именно к этому периоду относится и та известная восторженная оценка, которую дал Сталину Ленин.

Сегодня, оглядывая с высоты нашего времени советский опыт, можно уверенно сказать, что именно дееспособность и эффективность государственной национальной политики создали необходимые предпосылки для наиболее выдающихся достижений советской эпохи. В основание такой политики Сталин положил два важнейших принципа: беспощадную борьбу с любыми формами национал-сепаратизма и опору на русский народ как на главную, державообразующую нацию.

Оба этих принципа оформились не вдруг и не сразу. Оба пробивали себе дорогу долго и трудно, в ходе жесткой внутривластной борьбы между приверженцами национально ориентированной, исторически преемственной стратегии развития страны и сторонниками русофобской троцкистской теории «перманентной революции».

Ибо «... «национальный вопрос» в разные времена служит различным интересам, принимает различные оттенки в зависимости от того, какой класс и когда выдвигает его». В современной России русский народ есть не только народ государствообразующий. Именно он в массе своей является пролетарским, трудящимся классом – наиболее угнетен-

ным, разоренным, подвергаемым беспощадной эксплуатации и унижению.

Проблема взаимоотношения Сталина с русским народом всегда была одной из ключевых в его наследии. Общеизвестен знаменитый сталинский тост «За русский народ!», произнесенный после победы над фашистской Германией. Однако он был только вершиной – и вместе с тем одной из вех – долгой и целеустремленной работы Сталина по возрождению русского народа как ядра Советского государства. Это был трудный и очень непростой путь.

Тут можно, например, упомянуть запомнившийся очевидцам, но подзабытый историками и публицистами другой сталинский тост, произнесенный еще в июле 1933 года: «Выпьем за советскую нацию, за прекрасный русский народ!». Чтобы сказать такое, да еще в то время, когда во влиятельнейших сферах советского общества продолжали причислять понятия «отечество», «родина», «патриотизм» к некоему «миру призраков дореволюционного прошлого», – требовалось большое мужество и прозорливость.

Сталин последовательно взламывал пласты русофобии, которые образовались не только после Октября, но и за два предыдущих столетия – еще со времен бироновщины. И делал это не без присущей ему символичности. «Я сказал как-то Ленину, – передают очевидцы его слова, – самый лучший народ – русский народ, самая советская нация».

Он не скрывал и политической цели такой своей работы.

«Русский народ в прошлом собирал другие народы. К такому же собирательству он приступил и сейчас».

Хрущевская и брежневская эпохи сделали возможной вспышку звериной русофобии в пору «горбачевской» перестройки и либеральных «реформ». И не раз, я думаю, в годину испытаний простые люди порушенного СССР вспоминали русского «старшего брата» – осмеянного, оболганного, изгнанного. Того брата, который, согласно политике сталинского времени, использовал «свое положение ведущего в семье равных советских республик... прежде всего, чтобы помочь подняться, расправиться, развиться тем народам, которых наиболее угнетало царское правительство, которые больше всего отстали в экономическом и культурном развитии». Кануло ли в Лету это историческое призвание русских? Убежден, что нет. Союзное государство, выпестованное Сталиным, возродится. И возродится вокруг русской нации.

Мы, российские коммунисты, прямо говорим: не будет равноправен, обеспечен и счастлив русский народ – не будет достатка, равенства и счастья ни у одного другого народа России.

* * *

Сталин был, безусловно, убежденным марксистом. Общественная собственность на средства производства, плановая экономика, кооперация сельского хозяйства составляли ос-

нову народнохозяйственного механизма Советского Союза и всех стран социалистического содружества.

Однако есть все основания говорить и об особой сталинской модели экономики. Главной, чисто российской особенностью этой модели является опора на собственные силы, стремление к созданию самодостаточной экономики. Естественность и органичность такого самобытного пути особенно наглядно подтверждается тем, что его преимущества равно очевидны при анализе ситуации как с позиций социализма, так и с геополитической точки зрения.

Несомненно, что самодостаточная экономика, базируется в первую очередь на колоссальных природных богатствах Евразии. Такая экономика является для России и ее союзников единственной возможностью устоять перед агрессией атлантической цивилизации, чье богатство основано на искусном манипулировании финансовыми и товарными потоками «свободного рынка». Для коммуниста этот же принцип хозяйственного строительства логически вытекает из ленинского тезиса о «построении социализма в одной стране» и враждебности капиталистического окружения России.

К правящей партии не могло не присосаться немало конъюнктурных «попутчиков», смотревших на страну и государственную собственность как на свою «добычу», подлежащую разделу. В 20-е годы их устремления маскировались троцкистским толкованием долга Советской России, которая должна послужить лишь горючим материалом для «ми-

рового пожара».

Стержневой исторической проблемой, вокруг которой развернулась бурная полемика, стал вопрос о выборе Советским Союзом пути развития после победы революции и завершения гражданской войны. Это знаменитый вопрос о возможности построения социализма в одной отдельной стране. Троцкий в духе своей концепции «перманентной революции» утверждал, что в «отсталой России» строительство социализма невозможно и спасти русскую революцию может только революция на Западе, которую нужно всеми силами провоцировать, разжигать.

Сталин очень точно определил подлинную природу подобных теорий: презрение к русскому народу, «неверие в силы и способности российского пролетариата». Победивший российский пролетариат, говорил он, не может «топтаться» на месте, не может заниматься «толчением воды» в ожидании победы и помощи со стороны пролетариата Запада. Сталин дал партии, народу ясную и определенную цель: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Эти ясные мысли, полные уверенности в победе социализма в нашей стране, убеждали и вдохновляли советских людей. Масштабное строительство в годы первых пятилеток — это не просто возведенные новые заводы и города, электростанции и железные дороги. Это и невиданный духовный по-

рыв. В фундамент новостроек закладывалась колоссальная энергия Духа, Справедливости, Правды. Энергия Победы.

Сегодня практически негде посмотреть документальную кинохронику 30-х годов и послевоенных 40-х. А на ней росли целые поколения. Перед каждым фильмом в нашем сельском клубе шла кинохроника. Невозможно забыть кадры о том, как, с каким энтузиазмом, например, строили и восстанавливали ДнепрогЭС. Разве наши отцы и деды возводили просто электростанцию? Нет, это создавался Храм Красной цивилизации! И на него не собирали деньги по воровским «малинам» и «общакам». Народ воспринимал задачу строительства «социализма в одной стране» как свое общее дело. Тем более что ввиду нарастания угрозы фашистской агрессии задача эта совпадала по своей сути с вопросом о национально-государственном выживании Советского Союза.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже в декабре 1925 года, выступая на XIV съезде ВКП(б), Сталин сформулировал главную цель экономической политики партии следующим образом: «Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую схему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей

индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны».

Уже перед войной у нас была мощная материально-техническая база, развивавшаяся столь динамично, что в 40-е годы мы могли обойти Европу. И самое главное – было воспитано поколение граждан, готовых самозабвенно отстаивать честь, свободу и независимость Родины. Обеспечить победу над самой темной и зловещей силой в мировой истории – фашизмом...

Конечно, было бы ошибкой пытаться сегодня, в новых условиях, на пороге третьего тысячелетия в точности повторить старый советский опыт. В частности, нет никаких сомнений, что обязательными условиями эффективного развития страны – наряду с восстановлением общенародного ядра экономики, включающего в себя как природные богатства, ключевые отрасли производства, так и спектр государственных монополий – является ее многоукладность.

Однако нет сомнений и в том, что воссоздание мобилизационной модели отечественной экономики становится для России необходимым условием выживания. Обязательной предпосылкой для сохранения нашей национальной независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности.

* * *

Духовные основы российской государственности – еще

одна проблема, решению которой Сталин уделял пристальное внимание. Трагическая история гонений на православие в СССР, завершившихся полным провалом «воинствующих безбожников», ясно свидетельствует: государственное богоборчество стало одной из серьезных ошибок советской эпохи. В связи с этим сталинский опыт нормализации отношений между государством и православной церковью представляется особенно актуальным.

«Богоданный вождь» – так охарактеризовал Сталина известный православный публицист, священник Дмитрий Дудко. Диссидент и правозащитник брежневской эпохи, бывший любимец западных средств массовой информации. В 1995 году отец Дмитрий написал: «Да, Сталин нам дан Богом, он создал такую державу, которую сколько ни разваливают, а не могут до конца развалить... Да, Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для всего мира... Наши Патриархи, особенно Сергей и Алексей, называли Сталина богоданным вождем. К ним присоединялись и другие, такие, как крупный ученый и богослов Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Кстати, сидевший при Сталине, но это не помешало ему назвать Сталина «богоданным»...

Сталин с внешней стороны атеист, но на самом деле он верующий человек... Не случайно в Русской Православной Церкви ему пропели, когда он умер, даже вечную память».

Переломной точкой в церковно-государственных отношениях стала ночная встреча Сталина с иерархами православ-

ной церкви, состоявшаяся в начале сентября 1943 года. Сталин – подчеркнуто – начал беседу с того, что высоко отозвался о патриотической деятельности церкви, а затем попросил иерархов изложить свою точку зрения на то, какие меры необходимо предпринять, чтобы восстановить нормальное течение церковной жизни.

Результаты этой беседы, по словам митрополита Иоанна, превзошли всякие ожидания. Все до единого вопросы, которые были поставлены иерархами, говорившими о насущных нуждах клира и паствы, были решены положительно и столь радикально, что принципиально изменили положение православия в СССР. Было принято решение о созыве архиерейского собора и выборах патриарха, престол которого 18 лет пустовал из-за препятствий со стороны властей. Договорились о возобновлении деятельности Священного Синода. В целях подготовки кадров священнослужителей решили вновь открыть духовные учебные заведения – академии и семинарии. Церковь получила возможность издания потребной религиозной литературы – в том числе периодической.

В ответ на поднятую митрополитом Сергием тему о преследовании духовенства, о необходимости увеличения числа приходов, об освобождении архиереев и священников, находившихся в ссылках, тюрьмах, лагерях и о предоставлении возможности беспрепятственного совершения богослужений, свободного передвижения по стране и прописки в городах – Сталин тут же дал поручения «изучить вопрос». Он,

в свою очередь, предложил Сергию подготовить списки священников, находящихся в заточении, – и немедленно получил его, ибо такой список, заранее составленный, был митрополитом предусмотрительно захвачен с собой.

Итоги «перемены курса» стали поистине ошеломляющими. В несколько ближайших лет на территории СССР, где к началу войны оставалось, по разным данным, от 150 до 400 действующих приходов, были открыты тысячи храмов, и количество православных общин доведено, по некоторым сведениям, до 22 тысяч! Подавляющая часть репрессированного духовенства была освобождена из заключения. Прекратились прямые гонения на верующих и дикие шабаши «Союза воинствующих безбожников».

Сегодня можно уверенно сказать, что такие перемены в церковно-государственных отношениях были не случайны. Они диктовались не политической конъюнктурой, а хорошо продуманной стратегией. Эта стратегия предполагала решительную корректировку политического курса, в основу которого отныне, наряду с социалистическими достижениями, должны были быть положены традиционные ценности русского национального бытия.

Сталин тщательно выстраивал новую конфигурацию мировоззренческих, идеологических опор государственной власти, которая должна была одновременно соответствовать послевоенному статусу СССР как мировой сверхдержавы и восстановить его историческую преемственность с тысяче-

летней российской историей. Он прекрасно понимал, что на этом пути государство и церковь являются естественными союзниками в деле духовно-нравственного воспитания народа.

* * *

Каково же конструктивное наследие советской, прежде всего сталинской эпохи? Попытаемся определить его основные черты.

1. В области государственного строительства – это гармоничное сочетание принципов унитаризма и федерализма. Именно такое сочетание позволило нашей стране уцелеть в качестве независимого, суверенного государства посреди социальных катастроф и военных катаклизмов XX столетия. Сохранить управляемость и территориальную целостность после революции и гражданской войны, в тяжелейших условиях хозяйственной разрухи и враждебного международного окружения. В кратчайший срок превратить отсталые окраины в индустриально развитые регионы. Особенно актуальны эти идеи сейчас, после того как вспышка национал-сепаратизма разрушила Советский Союз. Поставила и Россию на грань государственного распада.

2. В области геополитики это органичное соединение державной и славянской идей. Такой синтез предполагает восстановление русского контроля над евразийским «сердцем»

мира» и гарантирует всей славяно-православной цивилизации необходимый уровень военной, политической и идеологической безопасности. Будем помнить, что необоснованный отход от этой геополитической модели в годы «оттепели» и «застоя» предопределил геополитическую катастрофу «перестройки» и нынешнее положение России.

3. В экономической области это эффективная модель народного хозяйства, сочетающая централизм управления и опору на собственные силы. Только такая модель способна в наших условиях гарантировать восстановление социальной и национальной справедливости.

4. В национальной политике это сочетание трех основополагающих принципов: беспощадной борьбы с проявлениями агрессивного национал-сепаратизма, идеи равенства наций и признания особой роли русского народа в становлении и развитии государства.

5. В религиозной политике это стратегический союз государства и церкви, направленный на духовно-нравственное воспитание человека. В России у государства и церкви общие враги: культ разврата и насилия, пропаганда богатства и наживы любой ценой, космополитизм и безнравственность. Сама жизнь подтверждает, что союз государства и церкви есть веление времени, непереносимое условие нормального развития страны.

Таково конструктивное, жизнеспособное наследство советской эпохи, от которого народно-патриотические силы

России просто не имеют права отказываться. Но одной этой констатации уже совершенно недостаточно. Главное, что нам следует крепко запомнить, вступая в законные права наследников великой державы, созданной нашими дедами и отцами: советское наследство должно послужить базой для решительного движения вперед. Не повторение старого, уже пройденного пути, а использование добытого огромной ценой опыта Советского Союза в качестве надежной опоры для строительства современной Великой России – вот единственно возможный путь выхода из кризиса. Русский социализм, в основе которого лежат и мысль, и дела Сталина, это будущее страны. Мы верим: Россия непременно вернет себе былое величие, укрепит дружбу и братство народов, не потеряв при этом ни уважения к человеческой личности, ни общественных свобод, ни своей вековой приверженности идеалам Справедливости, Добра и Правды.

План по разрушению СССР. Уроки гибели Союза

В 1945 году СССР выиграл самую страшную и кровопролитную войну за всю историю человечества. Возникшая после войны Потсдамская система договоров юридически оформила новый мировой баланс сил, возникший после разгрома гитлеровской Германии и ее союзников, закрепила новые границы, распределила зоны влияния основных центров силы.

Мир из многополюсного превратился в биполярный. С одной стороны – СССР и его союзники, представлявшие с точки зрения геополитики континентальную силу. С другой стороны – США и их союзники, представлявшие силу главным образом морскую. Противостояние между этими полюсами и определило характер новой геополитической эпохи.

«Идеологическая перестройка» при Сталине не оставляла сомнений в том, что через десять-пятнадцать лет СССР полностью преодолет негативные последствия революционных бурь, максимально развив при этом их конструктивные результаты. Создание отечественного ядерного оружия исключало все возможности силового вмешательства в наши внутренние дела.

Такие перспективы вызвали на Западе – традиционной цитадели «океанской геополитической стратегии» – состо-

ание, близкое к панике. Тому были свои причины. В лице СССР – продолжателя российской геополитической традиции – формировался мощнейший альтернативный центр мирового влияния, олицетворяющий справедливость и народовластие, социальные, политические, культурные и экономические принципы «континентальной» линии развития человеческой цивилизации. Под угрозой оказались многовековые усилия торгово-финансовой космополитической элиты по созданию «мировой системы международного разделения труда» – экономической основы для последующей политической унификации человечества.

Полное драматизма глобальное столкновение двух архетипов мировой политики, экономики и культуры персонифицировались в противостоянии двух сверхдержав – США и СССР, в формах «холодной войны».

При этом антикоммунистическая риторика «свободного мира» и его лицемерная забота о «правах человека» стали идеологической ширмой, за которой от непосвященного взора скрывались интересы Запада, требующие ослабления, а если можно, то и уничтожения России.

* * *

С начала «холодной войны», когда были запущены тайные механизмы разрушения Союза, и до финального акта драмы в 1991 году можно условно выделить три этапа – три по-

следовательных периода геополитической диверсии против СССР.

Первый из них начался сразу после смерти Сталина и проходил под лозунгами «десталинизации» и хрущевской «оттепели». История, увы, не знает сослагательного наклонения. Сталину не хватило каких-нибудь пяти-семи лет жизни, чтобы сделать свою «идеологическую перестройку» необратимой и обеспечить восстановление необоснованно прерванной российской духовно-государственной традиции. Тело вождя еще не успело остыть в мавзолее, как его преемники уже круто повернули вспять идеологический курс. «Весь цивилизованный мир» громко приветствовал этот маневр, скромно умалчивая о том, каких трудов он стоил его политикам, дипломатам, спецслужбам и «агентам влияния».

Эпоха «застоя» закономерно продолжила этот губительный процесс. Стараниями многих нынешних «выдающихся» демократов, ходивших тогда в непримиримых ортодоксах, была законсервирована уже очевидным образом изжившая себя идейная догматика. Отсутствие здоровой мировоззренческой базы отозвалось болезненной путаницей и в области советской геополитики.

С одной стороны, геополитически обоснованные попытки расширить зону советского влияния на стратегических континентальных направлениях – в Афганистане, например, – принимали категорически недопустимый радикально-милитаристский характер. С другой стороны, совершенно бес-

смысленные с геополитической точки зрения мероприятия, подобные попытке «вмонтировать» Никарагуа в «систему мирового социализма», поглощали гигантские силы и средства. Лишенный выверенной геополитической концепции, СССР поддался соблазну «симметричного», «социалистического» мондиалистского ответа на стратегический вызов капиталистического мондиализма со стороны США.

Год за годом эта непосильная ноша истощала наши силы. Год за годом мы напрягали ресурсный и промышленный, военный и демографический потенциал страны в погоне за миражами глобального мирового лидерства, совершенно чуждыми самому духу российской геополитической традиции.

Результат не замедлил сказаться: экономическая ситуация внутри СССР стала последовательно ухудшаться, идеологический и религиозный вакуум создал невиданно благоприятные условия для инфильтрации в общество чуждых ценностей, разрушительных мировоззрений и эгоистически паразитарных стереотипов общественного мышления.

Такова была общая ситуация, в которой «смена поколений» в высших кремлевских эшелонах позволила противникам России приступить ко второму этапу демонтажа СССР – созданию идеологической базы его развала. Хронологически это 1985–1990 годы – большая часть горбачевской «перестройки».

Мне уже не раз приходилось достаточно подробно описывать конкретные механизмы «вялотекущей катастрофы»,

обеспечившие уничтожение СССР. Поэтому во избежание повторений отмечу лишь, что основными направлениями идеологической войны против Союза стали: откровенная русофобия денационализированной части общества, нагнетание антипатриотической истерии, лукаво увязанной в один пакет с оголтелым антикоммунизмом, и оглушительная, навязчивая пропаганда «прелестей» либерально-демократического мировоззрения.

Третий, завершающий этап глобальной геополитической диверсии занял всего два года (1990–1991) и был направлен на политическое обеспечение дезинтеграции единого союзного государства. Во внутривполитической области он охарактеризовался «борьбой с реакционерами» в руководящем аппарате партии и правительства, резким всплеском окраинного национализма и регионального сепаратизма, параличом центральной власти и использованием «демократического» российского руководства в качестве тарана для разрушения общего экономического, правового, политического и культурного пространства страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.